

Историческая память и общество сограждан

Чтобы создать пространство для исторических исследований и дискуссий, необходимо сфокусировать внимание на настоящем, на сегодняшних несправедливостях и ограничениях. Для ответа на вопрос, кто мы такие, будущее может оказаться не менее, а то и более важным, чем прошлое

Мэри Маколи

В XX веке правительства крайне неохотно шли на публичное обсуждение мрачных эпизодов недавнего прошлого, независимо от того, кто был объектом репрессий или иных преследований, — свои собственные или чужие граждане. Демократические правительства тут не исключение. Чтобы понять, почему в некоторых (хотя и не во всех) обществах темное прошлое постепенно все же предается огласке, пусть даже и частичной, нужно обратиться к опыту конкретных стран. Конечно, существуют сравнительные исследования; главным образом, изучается отношение к злодеяниям, совершенным в ходе Второй мировой войны. Ученые из разных стран, такие как Алексей Миллер или Ютта Шеррер (последняя — в отношении Франции и Германии), поднимали эту проблему в ходе оживленных дискуссий на страницах журнала *Pro et Contra* и мероприятиях, организованных «Полит.ру». Речь шла о том, как политики и правительства в России, Украине, государствах Балтии и некоторых странах Восточной Европы используют историю в своих целях¹. Однако здесь я хочу посмотреть на все это под несколько иным углом зрения.

Меня интересует, каким образом сравнительный анализ тех путей, на которых государства и общества в XX столетии осмысливали темные пятна в своей истории или примирялись с «концом империи», может облегчить нам понимание ситуации, сложившейся в России. Например, можно попытаться определить главных субъектов или те условия, которые помогают разным странам признать эти темные пятна. Затем, на основе этих данных, я попробую разобраться в особенностях долгой и все еще не оконченной борьбы за то, чтобы Россия признала сталинские репрессии. Наконец, я ставлю в заключение вопрос о связи между нашими размышлениями о прошлом и задачей построения сегодняшнего — справедливого и толерантного — общества.

Для тех, кто полагает, что российский случай так сильно отличается от других, что опыт других стран России не подходит, существует простой ответ: *все* страны «отличаются», у каждой своя собственная, конкретная история — и все-таки мы можем попытаться установить общие для всех процессы и важнейших акторов. На этом фоне можно рассматривать специфические особенности — в России, Испании или Аргентине.

Опыт переживания прошлого: сравнительный анализ

Травмы, нанесенные Второй мировой войной, в разных странах переживаются по-разному, но можно выделить некоторые общие закономерности переживания прошлого².

По окончании Второй мировой войны во всех странах — победителях, проигравших и нейтральных — вслед за первой, непродолжительной общественной реакцией (в некоторых не было и этого) последовал период амнезии. В Германии, Франции, Италии, Австрии многие из тех, кто был повинен в преступлениях, остались жить у себя в стране. История периода фашизма или коллаборационизма осталась неизученной, и в школах учителя просто заканчивали изучение истории до начала «сложного периода». Признание военных преступлений и их обсуждение началось позже: в Германии — в 1960-х, во Франции и Италии в 1970-х годах (в итальянских школьных учебниках тема фашизма, войны и преследования евреев появилась только в 1997-м), в Австрии и Швейцарии к обсуждению этих тем приступили только в 1980-е годы.

Во всех странах включение «мрачных страниц» в исторический нарратив определяется политическими интересами (политиков или влиятельных социальных групп) и сиюминутной политической конъюнктурой. Об этом, в частности, пишут Клаудио Фогу и Вульф Канстайнер³.

Определяющим фактором тут являются именно современные политические интересы. Алексей Миллер приводит другие примеры из жизни послевоенной Европы, которые демонстрируют, что правительства признают вину за действия, совершенные в прошлом, только под давлением влиятельных сил, будь то за границей или внутри страны.

Подобные примеры можно найти не только в послевоенной Европе. В Испании

после смерти Франко все политические силы договорились не поднимать вопрос ни о поиске мест захоронений жертв режима, ни об их реабилитации. И только через 30 лет, в 2007 году, парламент принял закон, позволяющий вернуться к рассмотрению этих тяжелых вопросов. В Японии навязанный мирный договор⁴ и его официальное подписание в 1952-м позволили правительству утверждать, что все вопросы решены и к ним не нужно возвращаться. Японские власти и сегодня не хотят признавать зверства своей армии на оккупированных территориях и отказываются принести извинения за них на государственном уровне. Лишь недавно стремление установить более тесные дипломатические связи с Китаем и Кореей сделало возможным проведение совместных исторических исследований при правительственной поддержке этих трех государств.

Там, где военные или другие участники злодеяний занимают влиятельные должности, процессы расследования и привлечения виновных к ответственности вполне могут быть не только отсрочены, но и жестко ограничены. Так, в Камбодже в 1975–1979 годах было замучено и казнено, видимо, около 200 тыс. человек и еще 1,5 млн умерло в результате чудовищной политики истребления, проводимой правительством «красных кхмеров». Однако суд — всего над одним из пяти ключевых деятелей этого режима — состоялся лишь в 2009-м, и тогда же упоминание о «красных кхмерах» впервые появилось в исторических изданиях. Премьер-министр Хун Сен, сам бывший командир «красных кхмеров», и другие ведущие политические деятели страны решили, что, поскольку в убийствах участвовало множество людей, любые дальнейшие шаги в этом направлении приведут к социальным волнениям. В 1980-х и 1990-х годах в Латинской Америке (в Аргентине, Чили и Уругвае), после десяти, а то и двадцати лет правления военных режи-

мов, при которых здесь творились чудовищные жестокости, пришли к власти законно избранные правительства. Меры, предпринятые новыми властями этих стран, включали в себя создание «Комиссий правды и примирения» и (или) короткие периоды судебных преследований, а также амнистии для военных или даже запоздалого плебисцита об амнистии для виновных в преступлениях (за которую в Уругвае проголосовало 53 проц. принявших участие в голосовании). Во всех этих случаях военные уже не управляли страной, но продолжали быть влиятельной силой. В Чили Аугусто Пиночет оставался во главе вооруженных сил с 1990-го по 1998 год, и хотя в конечном счете он предстал перед судом (по целому ряду обвинений), ему так и не вынесли обвинительный приговор. В Мексике убийство студентов в 1968-м долго оставалась закрытой темой; ее обсуждение и увековечение памяти жертв начались лишь в 1993 году.

Если правители предпочитают хранить молчание, откуда может возникнуть импульс к переосмыслению прошлого? Опыт стран, переживших Вторую мировую войну, свидетельствует о том, что важнейшим фактором является смена поколений. Пересмотр эмоционально «удобных» представлений происходит только с появлением нового поколения взрослых, не имеющих опыта военной травмы. Но непосредственные акторы в разных странах могут быть различны. В 1960-е годы в Германии открытое обсуждение черных страниц недавней истории стало возможно благодаря усилиям молодых историков. Вслед за их инициативой ряд судебных процессов привлекли внимание прессы, а молодые учителя заговорили о том, что период фашизма нельзя полностью оторвать от послевоенной Германии. Во Франции фильм «Трусость и жалость», вышедший в 1970 году, положил начало обсуждению коллаборационизма и участия французских граждан в пре-

следовании евреев. В Испании, в последнее время, новый взгляд на прошлое предлагает художественная литература. В Японии в период американской оккупации школьные учебники навязывали «правильную» версию истории, в которой имперское прошлое рассматривалось в сильно урезанном виде. Однако в 1980-е годы последовала реакция: группа молодых националистических историков начала борьбу за включение имперского периода в школьные пособия.

Однако встречаются и другие случаи (например, в Латинской Америке), когда смена поколения не играет решающей роли. Но для того, чтобы в стране началось переосмысление мрачных страниц истории, жертвы должны иметь достаточную поддержку в обществе и определенный уровень организации, чтобы — лишь только появятся соответствующие условия — потребовать от нового правительства немедленных действий.

Из этого следует (и на первый взгляд это тревожный вывод), что ни независимость правовой системы, ни демократические выборы, ни уровень свободы СМИ или академической свободы сами по себе не могут гарантировать, что общество или правительство готово преодолеть темное прошлое. Демократические, правовые государства Европы были «открытыми» и «демократичными» в течение всего того долгого времени, когда события, имевшие место во время Второй мировой войны, были преданы забвению, и остались таковыми потом, когда пелена амнезии рассеялась. В США демократия, независимый суд и свобода слова имеют долгую историю, но публичное обсуждение рабства началось сравнительно недавно. В 1960-х годах США достигли огромных успехов в разрушении основ расовой дискриминации не в результате запоздалого признания ужасов рабства, а благодаря движению за гражданские права. Исследование истории негритянского населения началось позже — уже

после происшедших изменений. В Британии процессы демократизации политической системы, роста гражданской активности и расширения свободы слова шли примерно с середины XIX до середины XX века; при этом жестокости и репрессии в отношении некоторых ее граждан в прошлом и в настоящем не прекратились, но оставались незамеченными.

Мы можем утверждать, что свобода слова (в СМИ и в академических кругах) является *необходимым условием* открытого, публично-обсуждения темных пятен в истории и что ключевыми субъектами тут являются политические деятели, желающие одержать победу на выборах, но всего этого недоста-

возможностям представила общественности ошеломляющий доклад под названием «Возвращение в родной дом» (*Bringing Them Home*), в котором в подробностях рассказывалось об участии детей аборигенов: о жестоком обращении, нищете, использовании детского труда. Тогдашний премьер-министр утверждал, что он не должен извиняться, потому что эта политика проводилась до него и он не несет за нее ответственность, но в 2008-м новый премьер-министр все же принес публичные извинения самим жертвам и их родителям. Британское правительство в период с 1920-х и до 1960-х годов регулярно отправляло детей в возрасте от 3 до 14 лет из детских домов и других подобных учреж-

“Пересмотр эмоционально «удобных» представлений происходит только с появлением нового поколения взрослых, не имеющих опыта военной травмы”.

точно, чтобы были предприняты действия, направленные на переосмысление прошлого. Для многих граждан страны — отнюдь не только ее правителей — оказывается удобнее не знать или забыть.

Недавно, в результате деятельности новых неправительственных организаций, использующих СМИ, демонстрации и массовую рассылку для защиты интересов угнетаемых или уязвимых групп населения, правительства Великобритании, Австралии и Канады подверглись давлению: активисты стремились заставить их принести извинения за проводимую в прошлом политику. Правительство Австралии до 1969 года официально изымало детей аборигенов из семей (без соответствующих судебных решений) и помещало их в приюты или в семьи к приемным белым родителям. Предполагалось, что это будет способствовать постепенному вымиранию коренного населения. И лишь в 1997 году Комиссия по правам человека и равным

дений в Канаду и Австралию, таким образом лишая их возможности каких бы то ни было контактов с родственниками в будущем. Этот порядок тоже приводил к злоупотреблениям, и тоже понадобилось тридцать лет, чтобы признать его жестоким и бесчеловечным. В 2008 году австралийский премьер-министр принес соответствующие извинения, а правительство Канады так и не сделало этого, сославшись на «малый интерес общественности к официальным извинениям правительства». В 2010-м во время избирательной кампании Гордон Браун извинился перед жертвами этой политики и объявил о денежных компенсациях для них⁵.

В каких случаях извинения имеют смысл и получают ожидаемый отклик? Может быть, когда — как в перечисленных выше эпизодах в Австралии, Канаде и Великобритании — сами жертвы или их ближайшие родственники еще живы, так что извинения обращены к каким-то реальным людям? Результаты

официального расследования событий «Кровавого воскресенья», когда в результате стрельбы по мирным демонстрантам в Лондондерри, в Северной Ирландии, в 1972 году погибло 15 человек, были оглашены лишь в 2010-м (то есть 38 лет спустя!), и британские солдаты были признаны виновными в противозаконных убийствах. Премьер-министр Дэвид Кэмерон в палате общин принес извинения родственникам убитых. Можно утверждать, что это было важно — для родственников — и полезно в политическом отношении. Но во всех этих случаях решение о том, нужно или не нужно приносить извинения, принималось, исходя из политической целесообразности.

и почему они осмысливают совершенные ими в прошлом преступления. И политики, и граждане используют культурные мифы, но подобные мифологические представления не обязательно определяют их поведение.

Можно ли утверждать, что те же факторы (амнезия, политические интересы, культурные мифы) влияют на восприятие прошлого, когда речь идет о распаде империи? По всей видимости, это верно применительно к метрополии. По тем же причинам анализ прошлого, если он вообще происходит, тоже «опаздывает». Трудно ожидать, чтобы вскоре после распада империи в бывшей метрополии обсуждались (и признавались) те беды, ущерб и насилие, которые сопровождали

“После краха коммунистической системы политические деятели на Украине, в странах Балтии, в Польше активно эксплуатировали историческое прошлое”.

Наконец, какова роль «исторической культуры» той или иной страны в ее готовности признать вину? Например, убежденность швейцарцев в том, что их страна всегда оставалась нейтральной, мешала им признать исторический факт: Швейцария поддерживала далеко не всех, в частности отказывая в поддержке евреям. Поляки, которые традиционно воспринимают себя как жертву и, кроме того, как нацию, приверженную европейским ценностям, с трудом осмысливают собственные действия в отношении еврейского населения и других меньшинств. Бывает так, что культурные традиции определяют характер поведения, или, иными словами, иногда граждане страны или ее политики обращаются к культурным мифам для объяснения или оправдания собственных действий. Ютта Шеррер пишет о том, что французы и немцы по-разному обращаются с собственным прошлым, но не утверждает, что эти различия позволяют объяснить, как

ее расширение. Слишком многие влиятельные группы заинтересованы в амнезии. В Великобритании ни одна политическая партия не поднимала этот вопрос, потому что на обсуждении подобных тем не наживешь «политического капитала». На лондонских площадях стоят памятники Ганди и Манделе, но они стали героями лишь тогда, когда перестали быть политической угрозой. Темные страницы имперского прошлого стали материалом для кинорежиссеров и писателей, они включены в школьные учебники, но это произошло сорок лет спустя, когда они отдалились от нас на безопасное расстояние. А война в Алжире, например, и сегодня является болезненной темой для французов.

Как показано в материалах цитируемого номера *Pro et Contra*, после распада империи голоса «жертв» (то есть тех обществ, которые в прошлом оказались под «иноземным» владычеством) сразу обретают политический вес, и правительствам новых государств оказывается

на руку использование исторического прошлого. После краха коммунистической системы политические деятели на Украине, в странах Балтии, в Польше активно эксплуатировали историческое прошлое. Украина представляет собой особенно яркий пример: наличие раскола внутри страны, политические интересы и международный фактор — все идет в дело, когда политические силы вовлечены в игру под названием «историческая политика». При этом в новых государствах одни политики охотно педалируют колониальное порабощение, а другим это не нужно. Например, современные политики Зимбабве активно используют империалистическое прошлое для укрепления своих позиций, а в Кении этого не происходит. Интересно наблюдать, как, в соответствии с разными прагматическими соображениями, по-разному строятся отношения Британии с бывшими колониями (это справедливо и в отношении политики самих бывших колоний).

Правители, будь то в новых или в старых государствах, всегда стремятся к тому, чтобы граждане признавали их право на власть. Если это право опирается на принадлежность к той или иной нации (объединенной общим языком, культурой и историческим прошлым), оно нуждается в историческом обосновании, поскольку история обеспечивает правопреемство, но в сегодняшнем мире такое обоснование собственной власти представляет собой скорее исключение. В других странах легитимность власти жидется на неких общих принципах или традициях, которые пользуются уважением в соответствующих обществах — так устроена власть в США, Великобритании, Франции или Чили. Однако, на что бы ни опиралась легитимность правителя (в сегодняшнем мире эту роль чаще всего выполняют выборы), он всегда подчеркивает свою роль как защитника определенной территории. В сегодняшнем мире, где государства являются суверенными сущностями, необходимость

защищать территорию своей страны никем не подвергается сомнению. Это означает, что политики, или государство, всегда будут прибегать к патриотической риторике, отдавать предпочтение патриотической версии истории, в которой главная роль уделяется позитивному образу страны, а не чему-то, за что нужно извиняться.

Из сравнения приведенных здесь примеров можно сделать следующие выводы:

- процесс признания и преодоления прошлого определяется в первую очередь политическими интересами и интересами влиятельных акторов;
- общая схема такова: сначала идет период амнезии, а затем проблему ставит следующее поколение, непосредственно не затронутое драматическими событиями; это может проявляться в разных формах, но
- те, кому удалось объединиться в период репрессий, иногда получают возможность обратиться к общественности, после того как «свобода» восстановлена;
- историческая культура играет в лучшем случае незначительную роль;
- все государства, в большей или меньшей степени, занимаются исторической политикой, но при этом все предпочитают патриотическую версию истории;
- хотя свобода слова и свобода создания организаций — необходимые условия публичного обсуждения темных страниц прошлого, они не гарантируют, что общество или государство станут активно участвовать в восстановлении памяти о мрачных событиях; для того, чтобы поднять проблему и добиваться ее решения, нужны энергичные негосударственные субъекты.

Россия в сравнительном контексте: признание сталинских репрессий

Чем российский опыт отличается от опыта других стран? Прежде всего, в России тема преступлений прошлого поднимается не

впервые. Тему разоблачений сталинского режима первым поднял Никита Хрущёв, затем стали появляться литературные произведения о ГУЛАГе, но после свержения Хрущёва политическое руководство страны прекратило обсуждение репрессий. Когда более двух десятилетий спустя благодаря горбачёвской перестройке Сталин и его преступления вновь стали предметом общественной дискуссии, она не только захватила широкие слои советского общества, но и стала одним из катализаторов демократического движения.

В отличие от Латинской Америки, в России выжившие свидетели репрессий и их близкие не имели никакого предшествующего опыта самостоятельной организации. Советские, а затем российские активисты добивались реабилитации тех, кто не был реабилитирован ранее, создавали места памяти в своих городах, занимались сбором архивных и иных данных. Они начали кампанию за строительство общенационального мемориала, посвященного репрессиям, но она не получила политической поддержки. Подобно тому как это происходило в других странах, ни активисты, ни правительство не стремились создать «комиссию правды» или предъявить формальные обвинения оставшимся в живых соучастникам преступлений — тех, кто сотрудничал с органами госбезопасности, было слишком много. На протяжении 1990-х годов тема разоблачения сталинских репрессий оставалась в сфере общественного внимания, но интерес к ней постепенно угасал — граждан России больше волновали другие вопросы. Правозащитники, выступавшие от имени жертв, сами были новичками в деле общественной организации, и им становилось все труднее привлекать аудиторию к своей деятельности.

В 2000-е годы трудно представить себе, чтобы фильм или телевизионный сериал о сталинских преступлениях вызвал значительный резонанс. Пожалуй, исключение

составляет картина Анджея Вайды «Катынь», которая была показана на канале «Россия» после трагической авиакатастрофы в марте 2010 года. Фильм «Катынь» радикальным образом изменил представление россиян об ответственности Сталина за расстрел польских офицеров⁶. Художественная литература, посвященная сталинским репрессиям, создана уже 50 лет назад. Молодые поколения историков могут заниматься этой тематикой, но время для судебных процессов уже ушло. Существуют ли иные способы привлечь общественное внимание к теме сталинизма? Здесь следует отметить, что громадным потенциалом обладают новые технологии — и для изучения истории сегодня, и для того, чтобы оставить нечто важное в наследство будущим поколениям⁷.

Если говорить о значении политических факторов для актуализации исторической памяти, то в России их роль ничуть не меньше, чем в других странах. В 1960-е годы партийное руководство, КГБ, МВД (а также его подразделения, отвечавшие за управление лагерями), были заинтересованы в том, чтобы снять вопрос о темном прошлом с повестки дня, и имели полную возможность это сделать. В период перестройки большая часть политической элиты не поддерживала идею о радикальной ревизии представлений о прошлом, открытии архивов и признании на официальном уровне масштаба государственных репрессий. Те, кто находился у власти, в результате столкнулись бы с множеством неудобных вопросов. После 1991 года, когда у власти оказался Борис Ельцин, в этом смысле мало что изменилось, и в течение 1990-х годов политики, а также значительная часть общества предпочли «забыть» о темных страницах советского прошлого.

Возможно, свою роль играет и «историческая культура» — взгляд на государство как на жестокую карательную силу разделяют как правители, так и их подданные.

Существует мнение, что российское общество, по крайней мере его часть, именно так и представляет себе роль государства⁸. Риторическое восклицание разочарованного интеллигента «Конечно, только в России государство может так ненавидеть свой народ!» подразумевает существующий от века разрыв между государством и обществом. Восприятие государства как репрессивной силы позволяет гражданину считать себя беспомощной жертвой, не способной противостоять угнетателю, или самоустраняться от гражданской активности, уходя в частную жизнь. В свою очередь, подобное культурное восприятие позволяет правителям и государственным чиновникам оправдывать свои

мание властей к теме сталинских репрессий, однако уровень интереса к ней — и со стороны государства, и в обществе в целом — остается невысоким. За исключением Польши и некоторых бывших советских республик, «внешние силы» — влиятельные мировые державы и международные организации — не проявляют интереса к тому, как именно Россия трактует свою историю⁹.

Поэтому российские власти могли позволить себе игнорировать или приглушать голоса тех, кто призывал к широкой дискуссии о сталинских репрессиях. Но теперь официальная позиция как будто меняется, и тема сталинских репрессий зазвучала на самом высоком уровне. В октябре 2007 года прези-

“Российские власти могли позволить себе игнорировать или приглушать голоса тех, кто призывал к широкой дискуссии о сталинских репрессиях”.

действия. И кто же (в культурной мифологии) бросает вызов государству? Художники, поэты, писатели — именно они, а не рабочие, не профессиональные объединения, не юристы, политические партии, журналисты или неправительственные организации — в этой мифологии выступают от имени общества как некий коллективный Давид, бросающий вызов Голиафу. Однако культурные мифы как таковые вряд ли помогут объяснить тот факт, что и в XIX веке, и в начале XX века в России было множество активных организаций, профессиональных ассоциаций и оппозиционных групп, а значит, для понимания особенностей гражданской ответственности и гражданского действия в постсоветской России одними культурными мифами не обойтись.

А что же происходит сейчас? Сегодняшнее руководство России не сталкивается с серьезным давлением ни внутри России, ни извне. Деятельность общества «Мемориал» направлена на то, чтобы постоянно привлекать вни-

дент Владимир Путин посетил расстрельный полигон в Бутово; в октябре 2009-го президент Дмитрий Медведев говорил о преступлениях Сталина в своем видеоблоге, ту же тему он затронул в интервью газете «Известия», приуроченном ко Дню Победы, в мае 2010 года. Оба лидера указывали на необходимость публично признать преступления Сталина. В годовщину катынской трагедии премьер-министр Путин вместе с польским коллегой Дональдом Туском посетил мемориал жертвам в Катыни; Польше была передана часть материалов катынского расследования, которые ранее российская сторона отказывалась передать на том основании, что эти материалы засекречены. В начале февраля 2011 года тема десталинизации обсуждалась во время встречи президента Медведева с членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека¹⁰.

Как уже говорилось выше, даже общества с демократическими правительствами и

свободными СМИ могут хранить молчание о своем прошлом. Признание прошлого и сохранение памяти имеют место только тогда, когда заинтересованные группы, которые поднимают соответствующие вопросы, могут рассчитывать на широкий отклик в общественном пространстве или когда правительства подвергаются сильному внешнему давлению. Возможно, в России мы увидим другой сценарий: спустя много лет после происшедших событий авторитарное правительство, не испытывая существенного давления со стороны общества, само возьмется за это трудное дело. Но в чем смысл подобной инициативы для российских властей?

“Репрессии и роль в них Сталина необходимо признать, тогда другие аспекты истории советского периода обретут свое истинное значение”.

Для путинско-медведевского руководства главной задачей является обеспечить контроль над политическими и экономическими ресурсами страны и укрепить роль России на международной арене. Вместе с тем, как и другие главы государств, Путин и Медведев стремятся к укреплению собственной легитимности в глазах сограждан, а также за рубежом. Легитимность сегодняшнего российского руководства безусловно зиждется на конституции, однако постепенно эта основа подрывается: едва ли кто-то станет отрицать, что выборы в России превращены в фарс. Политическое руководство не пытается создавать структуры, с помощью которых власть могла бы отражать и представлять разнообразные, порой противоречащие друг другу убеждения, лояльности и устремления своих граждан. А потому у правителей остается лишь одна возможность: строить свою легитимность на утверждении, что они — наследники российской традиции сильного государства, защитники территории против

внешних угроз¹¹. И это возвращает нас к теме сталинских репрессий.

В условиях, когда российские власти сохраняют традиционную для России политическую модель, в которой государство безраздельно доминирует над обществом, фигура Сталина, и особенно Сталина как лидера страны, одержавшей победу над нацистской Германией, затмевает все остальные события. Великая Отечественная война, разумеется, остается главной вехой патриотической истории, но одной войной невозможно заполнить весь период с 1917-го по 1953-й. Вклад Сталина в победу может быть постепенно пересмотрен, но его роль организа-

тора и исполнителя массовых репрессий, которые не прекращались до самой его смерти, безусловна и пересмотру не подлежит. Доказательства слишком очевидны. Эта тема сохраняет актуальность — и внутри страны, и в международном сообществе. Репрессии и роль в них Сталина необходимо признать, тогда другие аспекты истории советского периода обретут свое истинное значение. Даже если судить с прагматических позиций руководства страны, подобное развитие событий могло бы иметь благоприятные последствия. Извинения, адресованные выжившим жертвам ГУЛАГа и родственникам погибших, в частности расстрелянным в Катыни, сегодня могут обрести политическую целесообразность. Но, конечно, с точки зрения властей, процесс десталинизации должен осуществляться исключительно под контролем государства.

Кроме того, десталинизация «сверху» имеет определенные ограничения, связанные с тем, что, начиная с премьер-министра,

значительная часть лиц, занимающих важные посты в сегодняшней России, ведут свое происхождение из «органов» и не желают, чтобы государство даже косвенно критиковало «честных чекистов». Но это не мешает частичной десталинизации: в конце концов, сегодняшняя ФСБ не нуждается в безупречном прошлом, чтобы оставаться опорой современного российского государства.

Не исключено, что правительство Медведева — Путина решится на создание государственных памятников и государственного мемориального музея (или музеев) ГУЛАГа под эгидой государства. Однако маловероятно, что будет пересмотрено недавнее решение Верховного суда отказать обществу «Мемориал» в иске об изменении порядка доступа к материалам прекращенных архивно-следственных и фильтрационных дел, ограничивающее доступ к архивным документам личного характера¹². Однако независимо от того, какими прагматическими побуждениями объясняется решение правительства создать мемориал или открыть музей, тот факт, что решение исходит от государства, привлекает к проблеме общественное внимание. В российском случае это могло бы придать больший вес в глазах общества публичным дискуссиям на соответствующие темы, а также исторической и просветительской деятельности «Мемориала»; кроме того, это могло бы подстегнуть инициативу на местах. Труднее стало бы перекрывать доступ к архивам, учебники более критической направленности легче проходили бы государственную аккредитацию, а школьные учителя более охотно стали бы их использовать. Но для того, чтобы учебники были написаны, чтобы школьные учителя отреагировали на их появление, и для того, чтобы в целом стали изменяться отношения между правителями и управляемыми, потребуется куда более широкое участие россиян в общественно значимой деятельности.

Память о прошлом, роль истории и сегодняшние проблемы

Обсуждение таких тем, как историческая память или роль истории, неизбежно ставит вопрос о том, насколько важны эти сюжеты сегодня с политической или гражданской точки зрения. Связь между «прошлым» и «настоящим» сложнее, чем кажется.

Я всей душой поддерживаю ту деятельность, которой занимается общество «Мемориал»: создание мемориальных памятников, сбор данных о захоронениях, создание «книг памяти», организация выставок — это знак нашего уважения к памяти невинных жертв, некое утешение для тех, чьи близкие погибли или пострадали в период репрессий, и выражение гражданской позиции со стороны ныне живущих поколений. Постоянное напоминание о масштабах сталинских репрессий, независимо от того, поддержано ли оно публичными заявлениями руководства страны, имеет огромное значение для того, чтобы эта проблема оставалась в поле общественного внимания. Однако мне представляются неубедительными утверждения типа «Именно гражданская ответственность за собственную историю, а не великие достижения и великие катастрофы как таковые, делают народ в полной мере нацией — обществом сограждан»¹³.

Нет никаких свидетельств того, что признание прошлых злодеяний имеет отношение к становлению нации. Но еще важнее то, что это утверждение подразумевает: без признания своего прошлого мы не можем создать общество сограждан. На самом деле все наоборот: мы должны осознать, что общество сограждан, которые могут объединяться многими другими способами, обладает «потенциалом для сохранения памяти» и изменения характера действий в будущем.

Почему мы должны полагать, что существует связь между способностью общества стать более справедливым и толерантным и признанием им темных пятен в своем прошлом?

Возможное объяснение состоит в том, что мы смешиваем индивидуальные воспоминания и коллективную память. В психоанализе считается, что если травма вытесняется в подсознание и жертва не может ее признать и осмыслить, это может иметь тяжелые негативные последствия для личности: такой человек не в состоянии справиться с жизнью. Если индивидуум не может или не хочет вспоминать и признавать ущерб, который он причинил другим, он может вновь повторить те же действия. Однако ни из чего не следует, что для коллектива или общества сознание (память) работает таким же образом. Вполне вероятно, что общество или группа может «не вспоминать» действия, совершенные в

ключевую роль в установлении демократического порядка¹⁵.

Сегодняшнее общество сограждан — это общество, в котором все признают других равными себе, с теми же самыми правами и обязанностями. При этом на согражданах лежит обязанность думать о политическом курсе их страны и его последствиях. Это не означает, что мы должны разделять общие воспоминания или ответственность за прошлое. Ни я, ни мои дети, ни «новые» граждане Великобритании (родившиеся в Бангладеш или в Сомали) не несем ответственности за корабли с невольниками XVIII столетия, за имперские завоевания, за гибель шахтеров в угольных шахтах в

“Мемориалы, увековечение памяти и официальные извинения не обязательно влияют на современную жизнь и общественные настроения”.

недавнем прошлом, и при этом вполне успешно развиваться — «нации, осуществлявшие репрессии, могут пользоваться психологической безнаказанностью»¹⁴.

Конечно, необходимо определить, что такое успешное развитие, однако здесь нам важно подчеркнуть следующее: история XIX и XX веков — это период, когда действия людей были направлены на строительство наций, национальных государств и укрепление демократических институтов, но одновременно люди замалчивали или приукрашивали свое прошлое. Недавно были опубликованы результаты интересного исследования, в котором изучалось, в какой степени стратегии правосудия переходного периода (*transitional justice*) — комиссии мира и примирения, судебные слушания, люстрации — могут способствовать переходу к стабильной демократии. На сегодняшний день нет данных, позволяющих с уверенностью утверждать, что подобные стратегии играют

XIX веке, за то, что детей вешали за мелкие преступления, а заключенных отправляли на верную смерть в Австралию. Символические извинения за жестокости далекого прошлого вовсе не всегда осмысленны. В 2007 году, когда в Великобритании отмечалась годовщина принятия закона 1807-го об отмене рабства, звучали предложения, чтобы королева принесла извинения за участие Британии в работорговле. Но кто стал бы сегодня их адресатом?¹⁶

Мемориалы, увековечение памяти и официальные извинения не обязательно влияют на современную жизнь и общественные настроения. Мы возводим военные мемориалы в честь наших погибших, но при этом не предполагаем, что это каким-то образом поможет предотвратить будущие войны (на военных мемориалах в городах и селах нередко оставляют чистые места, чтобы можно было заполнить их именами тех, кто падет в будущих войнах). Мемориалы жертвам кора-

блекрушений или землетрясений сами по себе не влекут никаких последствий для судостроителей или недобросовестных компаний, строящих жилье. Можно надеяться или верить в то, что если ныне живущие или будущие поколения признают факты варварской политики и незаконных репрессий невинных людей, проводившихся их собственными или чужими правительствами и сообществами, то это поможет предотвратить подобные действия в будущем. Но это никоим образом не гарантировано¹⁷. Некоторые европейские правительства, признавшие участие своей страны в геноциде цыганского населения и еврейского Холокоста, сегодня требует «удаления» цыганских общин со своей территории.

«Сохранение памяти» должно сопровождаться действиями, обращенными к настоящему. Именно применительно к сегодняшнему дню необходимо определять меру юридической и/или финансовой ответственности, чтобы не только родственники жертв могли получать компенсации, но и устанавливались принципы ответственности компаний, корпораций и правительств за действия, которые могут последовать в будущем. Например, в отношении Катыни огромное значение имело бы признание того, что необходимо обеспечить доступ к архивам, а также открыто и публично обсуждать причины, которые сделали возможным это массовое убийство¹⁸.

Для предотвращения подобных действий в будущем мы должны использовать самые разные средства (история — лишь одно из них, далеко не единственное), чтобы разобраться в том, какие факторы стали причиной войны, насилия, репрессий, империалистической экспансии. А затем мы должны задать себе вопрос, продолжают ли они существовать сегодня, и попытаться их преодолеть. Какие именно институты сделали возможным те акты варварства, которые были совершены в прошлом? Неподконтрольные

правители, безграничная власть, вера в мессианское предназначение, погоня за материальной выгодой, пренебрежение ценностью человеческой жизни? Значит, именно на эти опасности мы должны обращать внимание сегодня.

В своем впечатляющем документе «1937 год и современность» общество «Мемориал» утверждает, что последствия сталинского террора и по сей день сказываются на общественном сознании:

«Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы... Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти; Привычка к “управляемому правосудию”... Интеллектуальный конформизм... катастрофическая разобщенность людей, стадность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности... Имитация демократического процесса... Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности...»¹⁹.

Да, эти черты действительно заметны и сегодня, и утверждение о причинной связи между ужасными событиями 1937 года и сегодняшней реальностью производит сильное впечатление. Однако политические процессы и события последующих лет — времени правления Хрущёва, эпохи брежневского застоя, события, происшедшие после 1991 года, — также в немалой степени — возможно, даже большей, чем собственно сталинизм — определили политический порядок и установившиеся в нынешней России. Задача историков и социологов состоит в

том, чтобы разобраться в сложных переплетениях прошлого и настоящего и того, как они влияют на современные практики. Это еще предстоит сделать. Да, прошлое, несомненно, отбрасывает тень на настоящее, но мы не должны преувеличивать его значение. Несмотря на всю важность истории, мы не должны перекладывать на прошлое ответственность за сегодняшний день.

Возьмем для примера проблему дискриминации и расизма в Великобритании. Расистские настроения, присутствующие среди части современной английской молодежи (и не только молодежи), вряд ли связаны с нежеланием признать имперское прошлое или попросту с отсутствием знаний об этом периоде британской истории. Более важной причиной здесь являются экономические и социальные обстоятельства сегодняшнего дня. Элементы расизма обнаруживаются и в отношениях между различными меньшинствами британского общества, которые никаким образом не связаны с империалистическим прошлым. Здесь, как и в случае с новым исламским радикализмом, распространенным среди части этнических меньшинств (речь идет о молодых людях, родившихся в Англии), причины следует искать в событиях недавнего времени, таких как война западной коалиции против Ирака, действия вооруженных сил западных стран в Афганистане, санкции Израиля против Палестины, волна радикализма внутри ислама в некоторых арабских странах. Лидер группировки, членам которой был недавно вынесен обвинительный приговор по делу о планировании терактов на территории Великобритании, называет себя британским мусульманином. Историческая память об имперском прошлом в данном случае не играет никакой роли²⁰.

История важна, потому что она помогает нам разобраться в причинах расизма, репрессий или геноцида. На основании этого знания мы можем затем создать институцио-

нальные барьеры, чтобы подобные обстоятельства не возникли вновь. Если мы сочтем, что преподаваемая ныне история не просто искажает прошлое (с точки зрения профессиональных стандартов), но также препятствует учащимся размышлять об этом предмете, то мы можем сказать, что наша гражданская обязанность — вызвать публичную дискуссию по этим вопросам и предложить альтернативные интерпретации. Нам нужны трактовки истории, которые ставят перед учащимися разнообразные проблемы и побуждают их думать не только о прошлом (которое представляет независимый интерес), но и о его связи с настоящим.

Однако еще важнее понять, что переписывание истории происходит постоянно, что история служит политическим целям и, следовательно, необходимо сформировать и институционализировать среду, в которой допускаются сомнения и конкурирующие интерпретации. Система государственной аккредитации учебников изначально настроена против истории как исследования, которое не столько дает ответы, сколько ставит вопросы. Если уж Министерство образования наделено правом проводить аккредитацию учебников, то оно должно видеть свою задачу в том, чтобы дать дорогу многообразию, а учебный план должен поощрять ознакомление учащихся с самыми разными интерпретациями.

В последние 10–15 лет в Великобритании при поддержке государства было увеличено число школ, предназначенных для представителей определенных религий (иудеев, католиков, мусульман)²¹.

Эта мера представляет собой шаг назад, потому что, несмотря на заявления о полной открытости и непредубежденности, предпочтение все равно отдается каким-то определенным направлениям, а прочие отменяются.

Чтобы создать пространство для исторических расследований и дискуссий, необхо-

димо сфокусировать внимание на настоящем, на сегодняшних несправедливостях и ограничениях. Именно здесь заключена связь между работой «Мемориала», которая имеет дело с прошлым, и сегодняшним днем. Если общество стремится играть определенную роль в исторической политике (и просто в политике), оно должно иметь свободу публичного высказывания и критически оценивать установки и политические решения своих правителей. Подобно тому как в демократических странах необходимы постоянные усилия групп идейных сторонников для того, чтобы болезненные проблемы прошлого оказались в зоне общественного внимания, этим группам также необходима среда, в которой они могли бы существовать и действовать, не опасаясь наказаний.

Трудно поверить, что талантливые молодые юристы, журналисты, ученые и активисты из самых разных слоев общества не захотят — рано или поздно — заявить о своем участии в строительстве будущей России, возможно, новыми, пока неизвестными способами. Для ответа на вопрос, кто мы такие, будущее может оказаться не менее, а то и более важным, чем прошлое. Однако беда состоит в том, что никто — ни власть, ни ее критики — не предлагает ясной и привлекательной картины будущего. Никто не ставит перед обществом цели, к которой следует стремиться, которая вызывала бы отклик у молодых, да и не только молодых граждан России.

Если мы желаем жить в обществе, которое признает, что внесудебные убийства граждан службами безопасности или полицией, коррупция в среде государственных чиновников, злодеяния военных, заключение детей в тюрьму, нищета в старости, дискриминация по этнической принадлежности, по полу или инвалидности категорически неприемлемы

как практика и как государственная политика, мы должны искать способы защиты. Моральные (и политические) позиции необходимо непрерывно защищать; для этого нужно создавать структуры, которые обеспечивают условия для выражения разных точек зрения и терпимое отношение к чужим воззрениям; формировать законодательство, которое объявляет перечисленные действия и явления противозаконными и обеспечивает подотчетность правительства и политиков перед обществом.

Отправной точкой здесь является свобода выражения, защита законных прав с помощью независимой судебной системы и честные выборы. Но, к примеру, в Великобритании, где все вышеперечисленное имеется в наличии, вовсе не всегда удается добиться подотчетности правительства. В настоящее время ведется расследование, изучающее обстоятельства принятия решения о поддержке войны в Ираке. Почти наверняка его результатом будет всего лишь умеренная критика, которая коснется лишь нескольких членов тогдашнего британского правительства и некоторых аспектов его действий. Пусть медленно и с трудом, но вопрос о молчаливом согласии британского правительства на пытки британских граждан, задержанных властями США и Пакистана после 11 сентября 2001 года, все-таки рассматривается в судебном порядке. Эти победы невелики, но они напоминают нам самим и нашим политикам, что есть инструменты, за которые мы должны крепко держаться: это возможность критиковать правительство (и люди, которые хотят этим заниматься), механизмы, ограничивающие действия исполнительной власти, и независимый суд. Правители, кем бы они ни были, должны нести ответственность за свои действия. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См. выпуск журнала *Pro et Contra*, посвященный исторической политике (*Pro et Contra*. 2009. № 3–4). См. также: Как завершить историю СССР: Материалы круглого стола // Полит.ру. 2008. 24 апр. (<http://www.polit.ru/analytics/2008/04/24/istpamat.html>); «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. Лекция Алексея Миллера // Полит.ру. 2008. 7 мая (<http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>); Какой должна быть история России // Полит.ру. 2005. 22 дек. (<http://www.polit.ru/analytics/2005/12/22/kguglystol.html>). Международное общество «Мемориал» неоднократно обращалось к этой теме. См.: С точки зрения «Мемориала». Тезисы «Мемориала». Заявления и другие тексты 2007–2010 годов. М.: 2010.

² The Politics of Memory in Postwar Europe / N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu (eds). Duke Univ. Press, 2006.

³ См.: The Politics of Memory in Postwar Europe. P. 290: «Даже в случаях так называемой отложенной коллективной памяти (например, о Холокосте или Вьетнамской войне) общественное обсуждение негативного прошлого возникает скорее под влиянием политических интересов и силовых политических конъюнктур, чем как непосредственный результат перенесенных травм или как «прорыв» в коллективном бессознательном. У небольших групп, члены которых лично пережили эти травматические события – ветеранов или целевых жертв, – есть шанс повлиять на коллективную память только в том случае, если в их распоряжении имеются средства, необходимые для публичного выражения своих взглядов и если их точка зрения не противоречит социальным или политическим целям и тенденциям других важных социальных групп, в частности, других политических поколений или партий. Коллективное воспоминание о событиях прошлого возможно лишь тогда, «когда оно вписывается в современную структуру групповых интересов»». В конце приведенного пассажа авторы цитируют из: Cultural Memory and the Construction of Identity / L. Weissberg, D. Ben-Amos (eds). Wayne State Univ. Press, 1999. P. 15.

⁴ Текст договора был подготовлен Соединенными Штатами Америки; Япония под писала его с сорока странами, в число которых не вошел Советский Союз.

⁵ В обоих случаях жертвы нашли защитников, готовых взяться за эту проблему, только в 1980-х годах. Коренные жители Латинской Америки, которых европейские завоеватели убивали и угне-

тали в течение трехсот лет, недавно стали делать публичные заявления, привлекая внимание общественности к совершенным преступлениям, но для этих жертв не предусмотрены никакие мемориалы, и нарушение их прав со стороны правительственных и корпоративных интересов продолжается.

⁶ Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. Екатеринбург. 1 февр. 2011 (<http://news.kremlin.ru/transcripts/10194>).

⁷ К примеру, базы данных (в доступной цифровой форме), включающие в себя виртуальный музей ГУЛАГа, созданный Санкт-Петербургским «Мемориалом», а также коллекцию музея и подборку архивных материалов, подготовленных Международным обществом «Мемориал» в Москве, могли бы стать бесценным ресурсом для будущего поколения молодых историков, учителей, хранителей музеев, организаторов выставок, журналистов и кинодокументалистов.

⁸ Подобную точку зрения высказывал, например, Александр Даниэль: «Я бы сказал, что есть еще одна традиция. Это восприятие государства в качестве аппарата насилия и принуждения, и только его. Это часть интеллигентского этоса». См.: Как завершить историю СССР...

⁹ Правительство США в 1960-е годы оказывало давление на правительство Западной Германии с тем, чтобы оно признало преступления Холокоста; оно также смогло добиться, чтобы правительство СССР разрешило еврейскую эмиграцию в обмен на более благоприятные условия для торговли, но сегодня международные отношения устроены совсем иначе.

¹⁰ Зудин А. Мрамор и колючая проволока // Московские новости. 2007. 1 нояб. (см.: <http://www.hro.org/node/175>); Медведев Д. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. 2009. 30 окт. (<http://blog.kremlin.ru/post/35/transcript>); Медведев Д. Ренессанс сталинизма не будет. 2010. 7 мая (<http://www.hro.org/node/8138>); Владимир Путин о Катыни: «Этим преступлениям не может быть никаких оправданий». 2010. 8 апр. (<http://www.hro.org/node/7908>); Россия передает Польшу 20 томов Катынского уголовного дела. 2010. 24 сент. (<http://www.hro.org/node/9089>); Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам челове-

ка... См. также: *Lipman M. The Third Wave of Russian De-Stalinization // Foreign Policy. 2010. Dec. 16.*

¹¹ Очевидно, что российских политиков не устраивает такой подход к обсуждению темы империалистического прошлого России/СССР; на обвинения со стороны бывших республик СССР или стран социалистического лагеря нередко следует оборонительная или агрессивная реакция. В свою очередь, политики новых посткоммунистических стран не готовы признаться, что их собственные сограждане принимали участие в репрессиях, будь то против «своих» или «чужих», и не торопятся с оценками той роли, которую играли их предшественники. Российским политикам это дает возможность уйти от обсуждения темы советской империи.

¹² См., например: Вынесено решение Верховного Суда РФ по иску Международного «Мемориала» о допуске к архивно-следственным делам жертв репрессий (<http://www.memo.ru/2011/01/27/retrov.htm>).

¹³ О «национальных образах прошлого» (XX век и «война памяти»). Обращение Международного Общества «Мемориал» // С точки зрения «Мемориала»... С. 23.

¹⁴ *The Politics of Memory in Postwar Europe...* P. 289.

¹⁵ *Thoms O. N. T., Ron J., Paris R. State-Level Effects of Transitional Justice: What Do We Know? // The International Journal of Transitional Justice. 2010. Vol. 4. P. 329–354.* Серьезные аргументы в пользу позитивной роли «восстановления справедливости» для постсоветских стран содержатся в: *Fein E. Transitional Justice and Democratization in Eastern Europe // (Un)Civil Societies, Human Rights and Democratic Transitions in Eastern Europe, and Latin America / R. May, A. Milton (eds). Wash.: Lexington Books, 2005.*

¹⁶ Вот что сказал, например, Э.С. Грейлинг, профессор философии в колледже Биркбек (Лондонский университет), в ходе дискуссии о том, должны ли жители Лондона извиниться за свою причастность к работорговле: *«Извинения важны, когда их приносят реальным жертвам те, кто лично ответствен*

за преступления. Сегодняшние европейцы и американцы не являются ни рабами, ни работорговцами. Некоторые потомки рабов считают, что причины их нынешних трудностей коренятся в прошлом; возможно, отчасти они правы. Как все было бы просто, если бы обыкновенное слово “извините” действительно могло бы решить проблемы, имеющие давние исторические корни. Но для того, чтобы жизнь тех, чьи предки были рабами, в самом деле изменилась к лучшему, нужны эффективные действия – не в меньшей мере, чем для решения масштабной проблемы современного рабства. Именно поэтому мы должны всерьез сосредоточиться на ней, а не отвлечься на символические жесты». Дискуссия состоялась в 2006 году в Британском музее Империи и Содружества в Бристоле. См.: *The Independent. 2006. May 11.*

¹⁷ В некоторых случаях, но далеко не всегда между мемориалами и реформами возникает непосредственная связь: например, недавно сооруженный в Австралии мемориал в память о 353 беженцах из Индонезии, погибших в 2001 году, когда судно *SIEV-X* затонуло на подходе к Австралии, сыграл определенную роль в кампании за изменение иммиграционной политики.

¹⁸ *Рачинский Я.* Чтобы закрыть «катынское дело», его надо открыть // С точки зрения «Мемориала»... С. 98–108.

¹⁹ С точки зрения «Мемориала»... С. 5–14.

²⁰ В интересной статье Александра Осипова исследуются весьма непростые взаимосвязи между представлениями, унаследованными от советского периода, и политикой нового времени, способствующей развитию расизма в современной России. См.: *Осипов А.* Этническая и расовая нетерпимость и дискриминация // Правозащитное движение в России: Коллективный портрет. М.: ОГИ, 2004. С. 81–91.

²¹ Речь идет о светских школах с обычным набором школьных дисциплин, но при этом некоторые предметы, например, собственно изучение религии, история преподаются с определенной точки зрения. При зачислении в такую школу дети из семей с соответствующей религиозной традицией получают преимущество.